

Угнетенные умственностью

Рецензия на книгу: Зверев В. В. (2023). Прогресс, община и будущее России в творчестве В. П. Воронцова. М.; СПб.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Центр гуманитарных инициатив. — 452 с. ISBN 978-5-8055-0427-4

В. В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-141-149

В России конца XIX — начала XX века быть интеллигентным человеком и не знать, кто такой Василий Павлович Воронцов, было как-то нехорошо, неправильно. И само слово-то «интеллигентный», равно как и образованное от него существительное «интеллигенция», в русском языке набрало тогда отчетливые оттенки смыслов, вовсе не свойственные, скажем, английскому прилагательному *intelligent*. В последнем случае словарь дает такую трактовку: «умный, сообразительный, смысленный». У историка, профессионально занимающегося проблемами аграрной истории нашей страны, такой синонимический ряд не может не ассоциироваться с крестьянином.

Но это если говорить о современном крестьяноведении. Тогда же, на рубеже веков, интеллигенцией, как правило, обозначали образованных людей, искренне переживавших за то несправедливое положение, в котором пребывал деревенский люд Российской империи, составлявший, как известно, огромное большинство населения нашей родины. Народники самого разного образа мысли были людьми самоотверженными и в основном бескорыстными. А уж образ мысли их определялся целым рядом факторов: уровень образованности, глубина мышления, личный темперамент, степень бескорыстия и самоотверженности, наконец — то, какие тексты из политической экономии и других областей обществоведения представлялись им правильными (научными). Человек, пишущий и публикующий такие тексты на русском языке, мог выглядеть в глазах революционного студенчества буквально полубогом.

В. В. Зверев, настоящий эксперт в области всего того, что связано в нашей истории с деятельностью народников, их статьями и книгами, в недавно опубликованной своей монографии, которая

посвящена жизни и творчеству В. П. Воронцова, упоминает такой факт. В 1888 году Воронцов и выдающийся русский писатель, в какой-то мере и в какое-то время разделявший народнические убеждения, Н. Н. Златовратский решили, что было бы здорово создать научно-литературный журнал «Эпоха» с целью пропаганды этих самых взглядов и убеждений. Помимо ученых планировалось привлечь к сотрудничеству таких «инженеров человеческих душ», как Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, А. П. Чехов. Требовались известные материальные затраты.

«С целью сбора средств, — пишет далее Зверев, — Воронцов отправился к своим знакомым в Сумы, где его пути пересеклись с Чеховым, который писал в свойственной ему полушутливо-ироничной манере А. Н. Плещееву: “К Линтварёвым приехал полубог Воронцов — очень вумная политико-экономическая фигура с гиппократовским выражением лица, вечно молчащая и думающая о спасении России... Человечина угнетен сухою умственностью и насквозь протух чужими мыслями, но, по всей видимости, малый добрый, несчастный и чистый в своих намерениях”. Зная скептическое отношение Чехова к ученым, можно понять и объяснить прозвучавшую в его письме иронию по отношению к Воронцову. Но тон сообщения свидетельствует, на наш взгляд, о подспудно проявившемся интересе писателя к личности народнического экономиста» (с. 15).

У меня на этот счет несколько иной взгляд. Чехов, не расставаясь со своей «родной сестрой — краткостью», в телеграфном стиле фиксирует в июньском письме к известному литератору череду событий, к которым был так или иначе причастен в тот период своей жизни, когда в 1888–1889 годах проживал в усадьбе Линтварёвых под Сумами. После фразы о думах, как спасти Россию, через точку с запятой идет такой текст: «у меня гостит Баранцевич». И все. И дальше — столь же кратко о каких-то других сугубо бытовых делах. А замечательная фраза об угнетенности того «полубога» сухою умственностью это уже из другого — июльского письма к тому же адресату. Плещеев в письме к Чехову от 2 июля коснулся Воронцова следующим образом: «Мне сдается, что он приехал на Луку не без задней мысли. Затеваает он, как я слышал, с компанией столь же “умственных” сочинителей журнал, двухнедельный, и, вероятно, ищет на это денег. Если Линтварёвы дадут, то глупо сделают. Не стоило для этого рубить лес Павлу Михайловичу». Поэтому аттестация Воронцова как «малого доброго, несчастного и чистого в своих намерениях» — это не просыпающийся интерес великого писателя к фигуре русского политэконома, но аргумент Чехова в обоснование следующей своей фразы: «Ваше предположение о его намерении окрестить Линтварёвых “Эпохой” едва ли основательно. Он, как старый знакомый Л<интварё>вых, отлично знает, что у них совсем нет денег».

Затея с журналом «Эпоха» не удалась. «Вышел только один его номер, — пишет Зверев. — И уже в октябре 1888 года Златоврат-

ский и Воронцов покинули редакцию из-за разногласий с издателем А. П. Калачевским» (с. 15). Лично мне этот эпизод куда более интересен не тем, что Воронцов и другие политэкономы гипотетически могли оказывать влияние на умы выдающихся деятелей великой русской литературы, но именно тем, с каким недоумением эти последние относились к «научным» спорам между людьми, считавшими себя экономистами, людьми, которых Плещеев назвал ««умственными» сочинителями».

В этой связи позволю себе привести куда более известную цитату из писем Чехова. 22 февраля 1899 года он писал из Ялты талантливому полиграфисту И. И. Орлову. «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т.д., и т.д. — и все это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо интеллигенции *en masse* и несмотря ни на что».

Отметим, что это писал уже автор произведений «Мужики», «Новая дача» и «В овраге», имевших такую популярность у российской читающей общественности, что собственные же слова о том, что «работа их видна; ...наука все продвигается вперед и вперед», великий писатель с полным правом и отнюдь не в последнюю очередь мог отнести и к самому себе. В данном случае это — наука о крестьянах вообще и о русских крестьянах пореформенных десятилетий в частности. Тут важно разобраться, насколько правомерно относить продвижение такой науки к тем самым «малым делам», которые так занимали умы Воронцова и его многочисленных единомышленников. Или это все же — большое дело?

Чтобы составить представление о том, что именно считали наукой о народе сторонники идей Воронцова, обратимся к одной из многочисленных публикаций теоретика народничества, которые автор рецензируемой книги цитирует в достаточном количестве. «Его формула народничества, — пишет Зверев, — выглядела следующим образом: “Народные интересы как цель; формы, вырабатываемые коллективной мыслью народа, или другие, соответствующие его желаниям, как средство; и самодеятельность населения как рычаг общественной эволюции; таковы три положения, характеризующие новейшее народничество, каким оно выросло в пореформенную эпоху нашей истории”. Практическое осуществление этих благих пожеланий русского народничества, по мнению Воронцова,

требовало “умственного подъема массы”, который он и ставил в качестве главной задачи переживаемого момента» (с. 17). Вот и разберись, чем в этой блестящей формуле цель отличается от средства, а главная задача от рычага. Дело явно непростое. Даже тот комментарий, что все это были не более чем благие пожелания русского народничества, не очень проясняет, то ли конституции им хотелось, то ли, как говорится, «севрюжины с хреном». Вероятно, легальным народникам — конституции, представителям же революционного их крыла мыслилось в перспективе что-то и поострее.

Чтение упомянутых небольших повестей Чехова или большой повести «Устои. История одной деревни» Златовратского¹ дает возможность понять, что за словосочетанием «народные интересы» (обозначенные в формуле как «цель») стоит настолько сложная и многообразная историческая реальность, что трудно сказать, что требовалось в большей степени на рубеже XIX и XX столетий: «умственный подъем массы» (надо полагать, до уровня интеллигенции народнического толка) или умственный же подъем иных городских мыслителей и страдальцев за народ.

Хочу особо подчеркнуть, что размышления последних в нужном направлении могли бы обеспечить не столько знакомство их с теоретическими статьями западных специалистов в области политической экономии (совсем не обязательно было насквозь пропитываться чужими мыслями), сколько наличие в пространстве «великого, могучего, правдивого и свободного русского языка» таких текстов, как второй том «Мертвых душ» Н. В. Гоголя², «Власть земли» Г. И. Успенского, «Дневник провинциала в Петербурге» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта³ и еще многое другое. Конечно, это другое включало отнюдь не все те случаи, когда беллетристы считали своим долгом затронуть «один из проклятых вопросов русской жизни»⁴, но его было достаточно.

1. См. об этом: *Бабашкин В. В.* (2017). Крестьянин как романтик. Рецензия на книгу: Златовратский Н. Н. Устои. История одной деревни. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951 // Крестьяноведение. Т. 2. №. 3. С. 152-161.
2. См. об этом: *Бабашкин В. В.* (2013). Писатели о крестьянах и крестьяне о писателях. Рецензия на книгу: Казарезов В. В. Крестьяне в произведениях русских писателей. М.: Достоинство, 2012 // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. М. С. 474-478.
3. См. об этом: *Бабашкин В. В.* (2008). О некоторых особенностях социального поведения крестьян: историк и художественная литература // Пути России: культура — общество — человек: материалы Международного симпозиума (25–26 января 2008 года) / Под общ. ред. А. М. Никулина. М. С. 365-375.
4. Литературный критик либеральной газеты «Биржевые ведомости» писал в январе 1899 года, что рассказ Чехова «Новая дача» «живо затрагивает один из проклятых вопросов русской жизни — страшную рознь, какая лежит между бариним и мужиком, устраняя всякую возможность не только слияния или сближения, но даже простой солидарности...».

Смысл словосочетания «проклятый вопрос» известен. Так называются большие проблемы, важность которых очевидна, но решить которые очень сложно по той причине, что при их осмыслении от внимания аналитиков все время ускользает что-то весьма и весьма существенное. «Этот проклятый крестьянский вопрос займет у меня еще неделю. А ведь я завален срочной работой», — писал Ф. Энгельс Лауре Лафарг 12 ноября 1894 года. Этот же вопрос был едва ли не главным для создателя науки политэкономии К. Маркса в поздний период его научно-творческой деятельности, когда он много сотрудничал с русскими народниками и в первом же из четырех проектов ответа на письмо В. И. Засулич написал как раз то, что в дальнейшем и воплотилось в историческую реальность: «Для спасения русской общины должна состояться Русская революция»⁵. Отмечу, к слову, что этот же вопрос составлял лейтмотив переписки Энгельса с Каутским⁶, ставшей «знаменитой» благодаря талантливому телефильму режиссера В. В. Бортко «Собачье сердце» (1988). Позднесоветский телезритель, будучи до предела утомлен и где-то даже угнетен той фальшью, что характеризовала тогда официальную идеологию СССР — «марксизм-ленинизм», с глубоким облегчением наблюдал: вот сейчас с подачи очень симпатичного героя Е. А. Евстигнеева эта самая переписка полетит в печку. Ведь с Запада (а откуда же еще?) должна прийти на смену некая новая идеология, которая позволит жить как-то по-другому. Однако от проклятых вопросов так просто не избавляются. Иначе, практика показывает, они будут все время всплывать при осмыслении прошлого, а следовательно, настоящего и будущего страны.

Воронцов, кажется, был убежден, что точно знает, как решить именно этот проклятый вопрос. По-видимому, он полагал, что вышеупомянутая формула народничества и является хорошим ответом. Но в десятом номере журнала «Русское богатство» за 1893 год резкой критике его взгляды подверг столь авторитетный народнический идеолог Н. К. Михайловский. «Под пером главного публициста и критика журнала, — пишет Зверев, — Воронцов получил характеристику “одностороннего и очень путаного мыслителя”, совершенно некомпетентного в неэкономических вопросах. ...Как писал Михайловский, необходимо было отказаться от “горделивого самообмана”, что коллективная мысль простого народа совпадает с идеалами передовой интеллигенции. А ей только и следует стремиться к развитию общественной самодеятельности масс» (с. 18). В случае с Во-

См.: *Чехов А. П.* (1962). Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 8. М. С. 547-548.

5. *Shanin T.* (Ed.) (1983). *Late Marx and the Russian Road*. N. Y. P. 116.

6. See: *Alavi H., Shanin T.* (1990). *Peasants and Capitalism: Karl Kautsky on “The Agrarian Question” // Shanin T. Defining Peasants: Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World*. Oxford. P. 251-279.

ронцовым этот самообман был настолько «горделив», что «вопрос приобрел характер дискуссии “о правах сотрудника журнала вообще и моральных отношениях между сотрудниками журнала «Русское Б<огатство>»”, и Воронцов не собирался останавливаться в его решении вплоть до обращения в петербургский суд» (с. 20).

В суд подать — это любопытный способ выяснения, какая из теоретических позиций в проклятом крестьянском вопросе ближе к истине. Интересно также словоупотребление в приведенной цитате: «*моральные* отношения» между сотрудниками «Русского богатства». Мог ли представить себе Воронцов, что сотню лет спустя человечество благополучно продолжит биться над этим вопросом, и наиболее адекватное направление этих мозговых атак будет обозначаться тогда словосочетанием «моральная экономика крестьянства»? Да, в последние десятилетия XX века эта концепция получила путевку в жизнь мощными усилиями западных историков-социологов, этнологов, или, как они сами себя позиционировали, антропологов⁸. Но невозможно отрицать, что выдающиеся русские писатели придерживались приблизительно этого же взгляда на вещи, отражая бытие крестьянской общины. И ни те, ни другие даже и не мыслили отделаться одной лишь «сухой умственностью». Тут требовалось кое-что другое.

Вопрос о научности и антинаучности тех или иных писаний о крестьянстве имеет, естественно, первостепенное значение в контексте изучения творчества идеологов народничества (равно как и любых других политических течений и партий, появившихся к началу XX века). В этой связи привлекают внимание две зарисовки очного столкновения Воронцова с Лениным в январе 1894 года. Автор монографии приводит их со ссылками на мемуары лидера эсеров В. М. Чернова и на архивные документы. Во-первых, обратим внимание на аргументацию Воронцова, который напал на будущего лидера большевиков, изрекая следующее: «Ваши положения бездоказательны, ваши утверждения голословны. Покажите нам, что дает вам право утверждать подобные вещи: предъявите нам ваш анализ цифр и фактов действительности. Я имею право на свои утверждения, я его заработал: за меня говорят мои книги. Вот, с другой стороны, дал свой анализ Николай-он (в то время только что появились его “Очерки”). А где ваш анализ? Где ваши труды? Их нет!» (с. 21). Мы коснемся ниже и того, какие труды по аграрно-крестьянскому вопросу появились позднее из-под пера Ленина, и того, кто такой «Николай-он».

7. См. об этом: *Бабашкин В. В., Бужовец О. Г.* (2022). «Моральная экономика» как концепт и П. П. Марченя как ее исследователь // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 1 (61). С. 11-28.

8. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). М. С. 26-70.

Во-вторых, оба свидетельства — и В. М. Чернова, и присутствовавшего на мероприятии полицейского осведомителя — единодушны: Ленин в споре выглядел куда предпочтительнее. «Даже под пером Чернова, непримиримого противника Ленина, — пишет Зверев, — выступление Воронцова представляется достаточно блеклым, от него веет духом самоуверенного академизма...» (с. 22). Трудно представить себе что-либо, менее пригодное при анализе и осмыслении проклятых вопросов, чем самоуверенный академизм. Всего лишь пять лет спустя Ленин опубликовал увесистый и весьма академично выглядевший том «Развитие капитализма в России», стремительно набиравший популярность в революционных кругах. Впору было почитать на лаврах видного теоретика. Меньшевики ведь приблизительно так и сделали. Но в том-то и была сила лидера большевиков, что через несколько лет, столкнувшись с реальностью разворачивавшейся в стране крестьянской революции и увидев, насколько плохо соответствует эта реальность сформулированным в его толстой книге социально-политическим выводам из, казалось бы, фундаментального экономического анализа, Ленин предпочел реальность, решительно переосмысливая прежние убеждения. Это очень хорошо показано в одной из лучших, с моей точки зрения, работ Т. Шанина под названием «Четыре с половиной аграрных программы В. И. Ленина»⁹.

И Зверев вполне резонно использует ленинскую фразеологию, решая свою задачу: максимально объективно оценить идейно-теоретическую значимость научно-творческого наследия Воронцова. Хотя иногда такое использование буквально провоцирует на комментарии. «Борьба с народничеством, — пишет, в частности, Зверев, — которая стала одной из главных целей в начале его [Ленина. — В. Б.] политической деятельности, была направлена на доказательство правильности единственно верной научной теории развития общества (марксизма). Собственно, такой подход и позволял объяснить эволюцию народничества от “крестьянского социализма” 1869–1870-х годов до его “растворения” в либерализме в 80–90-е годы XIX в. Ленин был совершенно прав, констатируя, что не все народничество придерживалось социалистической ориентации. Но, указав на этот факт, он предпочел ограничиться его констатацией с чисто классовых, а не научных позиций.

Столь линейно-прикладное отношение к совокупности народнических идей отражалось и на рассмотрении взглядов отдельных ее [совокупности? — В. Б.] представителей. По мнению Ленина, Воронцов вместе с Даниельсоном “всего цельнее” разрабатывал экономическую теорию народников. В его работах содержались “превосходные описания” хозяйственной жизни страны последней трети XIX в., благодаря чему “старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обо-

9. См.: Там же. С. 659–693.

готившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России». Постановка вопроса о характере отечественного капитализма также являлась крупной заслугой Воронцова» (с. 72).

Комментарий первый. Почему слова «единственно верная научная теория развития общества (марксизм)» автор не заключил в кавычки? Ведь известно, что даже сам Маркс не был марксистом — не говоря уже о Ленине с его постоянным пересмотром программы партии по «проклятому вопросу». Без учета этого важного обстоятельства слова о «чисто классовых, а не научных позициях» теряют смысл.

Комментарий второй (и отнюдь не последний из возможных). Автор монографии снабжает эти два абзаца своей работы одной ссылкой на три работы Ленина из 12-го, 22-го и 2-го томов полного собрания сочинений Ленина (это, соответственно, небольшая статья «О народничестве» начала 1913 года, большая работа «Победа кадетов и задачи рабочей партии» от марта-апреля 1906 года и столь же обстоятельная статья «От какого наследства мы отказываемся?», впервые опубликованная в 1898 году). Но нельзя же так! Ведь с учетом вышесказанного это были, образно говоря, три разных Ленина. К примеру, в работе 1898 года будущий лидер большевиков излагает свои убеждения с теоретических позиций своей будущей книги «Развитие капитализма в России», много внимания уделяет «Письмам из деревни» А. Н. Энгельгардта, однако видит там, мягко говоря, не совсем то, что увидит приверженец современного крестьяноведения. И эту мысль можно развивать сколь угодно долго и подробно.

Ну и, наконец, кто такой «Николай-он». Так подписывал многие из своих работ вечный оппонент В. П. Воронцова ученый-народник Н. Ф. Даниельсон. Я в заключение приведу небольшую выдержку из монографии Зверева, посвященной этому человеку, и судите сами, кто же из этих вечных спорщиков второй половины XIX — начала XX века о судьбах России подошел ближе к истине: «Радикальное изменение общественного строя связывалось Даниельсоном с возрождением института общины. Ее существование на протяжении многих веков рассматривалось им как свидетельство жизненной силы и возможности перехода к социализму в русских условиях. Даниельсон не отрицал того факта, что при капитализме община поставлена в исключительно сложное положение, когда ее существование как производственной организации подрывалось всем ходом развития товарно-денежных отношений. Но его взгляды защитника интересов крестьянства содержали попытку обоснования альтернативной капитализму модели социалистического общества. Для этого Даниельсон считал необходимым привить общине те достижения науки и техники, которые позволили бы достигнуть уровня производительности труда, необходимого для удовлетворения материальных потребностей всех членов социума. Подоб-

ное изменение мыслилось им на основе предоставления всей земли в пользование крестьянства на коллективных условиях ведения хозяйства и перехода всех средств производства как в аграрном, так и в промышленном секторах экономики в руки трудящихся»¹⁰.

Fatigue from intelligence

Review of the book: Zverev V. V. (2023). Progress, Community and the Future of Russia in the Works of V. P. Vorontsov. Moscow; Saint Petersburg: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives, 452 p. ISBN 978-5-8055-0427-4

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Department of Political-Legal Disciplines and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo Prosp., 82., Moscow 119571.
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

---

10. *Зверев В. В.* (2018). Капитализм и будущее России в идейном наследии Н. Ф. Даниельсона. М. С. 259-260.